

**Социально-обездоленные образы в волшебной сказке
хуэйцзу (дунган) Центральной Азии.**

Волшебная сказка с текстами этого фундаментального сюжетного типа сделала серьезный шаг к демократизации изображения реальной действительности. Здесь на смену “позавчерашнего” перевоплощенного бога, святого, шамана (в преданиях о событиях мифической эпохи) и “вчерашнего” безымянного “одного человека” (в мифах-быличках после установления строгого миропорядка, системы табу, родственных и любовных связей с духами) наконец-то появляется “сегодняшний” социально обездоленный герой реального человеческого общества. С этого периода времени начинает ослабевать пронизывающий первобытный фольклор пафос борьбы с природой в связи с перенесением интереса на взаимоотношения между обыкновенными людьми.

Волшебная сказка унаследовала достаточно большое количество образов в известных сюжетах (о змеборчестве, о борьбе с людоедами, о чудесных супругах, о странствиях по различным мирам и т.д.) от фольклора доклассового общества. Однако появление совершенно новых образов невинно гонимых (сиротка, младший брат, падчерица, младшая сестра) послужило мощным катализатором дальнейшего развития фольклора. В принципе образы социально обездоленных героев стали центром формирования волшебной сказки. Главным образом все элементы, «выражающие идеализацию социально-обездоленного, не разрушают архаические фантастические сюжеты, а обычно наслаиваются на них, образуя начало сказки, поэтому и архаические сюжеты, остающиеся в “ядре” сказки, приобретают социальную окраску».

Образы невинно гонимых героев обладают глубоким социальным содержанием. Они являются родственными образами, хотя рождены различными социально-историческими ситуациями, и вместе выражают “народную идеализацию обездоленного”. Формирование этих основных героев волшебной сказки в недрах первобытного фольклора непосредственно связано с переходами одного социально-исторического общества в другое (матриархат – патриархат – классовое общество). На каждом таком этапе человеческой истории в мир обездоленных выкидывался очередной тип несчастного: сиротка (в результате распада матриархального строя), младший брат (в результате борьбы майората с миноратом), падчерица (в результате вытеснения родовых связей семейными) и т.д.

Истории о невинно гонимых широко распространены в сказочном эпосе народов Азии, Европы, Латинской Америки, Африки и Австралии. Однако полный набор образов невинно гонимых можно обнаружить только в сказочном эпосе развитых народов. В фольклоре отсталых народов (палеоазиатов, североамериканских индейцев, меланезийцев, некоторых племен Индокитая), сохранивших традиции матриархального строя, нет идеализации младшего брата, так как это считается порождением патриархального социально-исторического строя. В сказочном эпосе этих народов основным обездоленным

героем выступает младшая сестра. Здесь даже существующие редкие сюжеты о младшем брате относятся к заимствованиям из фольклора развитых народов.

В сказочном эпосе хуэйцзу сюжеты о невинно гонимых относятся к наиболее яркому, богатому и своеобразному фундаментальному сюжетному типу. В круг сказок хуэйцзу Центральной Азии о семейно-гонимых вошли некоторые материалы из фольклорных фондов народов Дальнего Востока, Ближнего Востока, Центральной Азии. В зафиксированных нами сюжетах легко обнаружить общие сюжеты, мотивы, образы, стилистические образные обороты и т.д. даже при поверхностном сравнении их со сходными фольклорными материалами других народов.

В процессе подготовки материалов к описанию мы зафиксировали множество сюжетов о семейно-гонимых в волшебной сказке хуэйцзу: о младшем брате (“Два брата”, “Лосань”, “Добрый и злой”, “Слепой Юсур”, “Добродетельный Хэкэ”), младшей сестре (“Брат Щилагуэ”), падчерице (“Чжиньхуа – золотой цветок”, “Мачеха”, “Белый заяц”), пасынке (“Чжон Тяню”, “Нюду встречает Быйгу”) и т.д. При всей схожести с аналогичными материалами из фольклора многих народов они все же связаны главным образом с локальной фольклорной традицией, наделены чисто национальными самобытными чертами и объединены своеобразными художественными достоинствами.

Завязка. Все тексты о семейно-гонимых обладают исходящим из самого названия фундаментального сюжетного типа своеобразным эстетическим свойством. Здесь изображенные маленькие семейные истории в действительности отражают общечеловеческие события социального общества. Невинно гонимые родственниками (мачехой, старшим братом, старшей сестрой) герои-жертвы по существу есть самые настоящие обездоленные представители человеческого общества в целом.

В фазе завязки линейные синтагматические ряды всех наших сюжетов раскрывают событийные действия функцией “отлучка”. Здесь названная функция связана главным образом с “усиленной формой отлучки” – это смерть матери (“Чжиньхуа – золотой цветок”, “Мачеха”, “Белый заяц”, “Чжон Тяню”, “Нюду встречает Быйгу”, “Волшебная тыква-горлянка”), обоих родителей (“Два брата”, “Слепой Юсур”, “Добродетельный Хэкэ”) и т.д. Именно такие печальные события приводят к совершению семейными антагонистами (мачехой, старшим братом, старшей сестрой) вредительства по отношению к героям-жертвам.

В качестве некоторого исключения выступают сказки “Добрый и злой” и “Два охотника”. В этих сюжетах противоречия происходят между вступившими в побратимство совершенно случайными людьми. Соответственно сюжетные ходы здесь до выявления функции “вредительство” строятся несколько по-иному. Инвариант “отлучка” связан с действительными отъездами самих героев-жертв из дома. В сюжете “Добрый и злой” Чюнбин по дороге в столицу на учебу братается со случайным попутчиком Понтуном. В “Двух охотниках” герой заключает братский союз с повстречавшимся в лесу охотником. После этого события развиваются совершенно аналогично сюжетным коллизиям остальных текстов о семейно-гонимых без мифических элементов.

Вредительство в сюжетах о семейно-гонимых по своей сути отличается от вредительства в фундаментальных сюжетных типах о “змееборчестве”, о “поиске счастья”, о сношениях с духами и т.д. В данном случае это “действие” отрицательного персонажа (в отличие от “молниеносного” вредительства в названных выше типах)

растянуто на долгое время. Здесь антагонисты как бы перманентно причиняют героям-жертвам повседневные злодеяния с постепенно нарастающей силой. В конце концов такое постоянное издевательство перерастает в самое настоящее злодеяние с трагическим исходом. В “Чжинхуа – золотой цветок” мачеха толкает несчастную девушку в горячую воду. В “Белом зайце” мачеха силой продает юную Юньхуа старому отвратительному родственнику. В “Брате Щилагуэ” сестры сталкивают младшую сестру в пропасть. В “Слепом Юсуре” старший брат оставляет слепого юношу в горах. В “Добродетельном Хэкэ” старший брат сталкивает добродушного Хэкэ в заброшенный колодец и т.д.

Развитие действия. По своей сущности главные действующие персонажи сюжетного типа о семейно-гонимых относятся к героям-жертвам. Всевозможные антагонисты (мачеха, старший брат, старшая сестра) в конце концов своими коварными действиями выживают несчастных из семьи, заставляют покинуть дом, деревню, город, край.

В наших сюжетах о семейно-гонимых мы обнаружили четыре формы отправки героев-жертв в дорогу. Они при всей сходности с выведенными В.Я. Проппом на основании русской волшебной сказки формами отправки из дома “пострадавших героев” имеют некоторые отличия. Такие специфические особенности продиктованы национальными особенностями волшебной сказки хуэйцзу, которые сформированы дальневосточными, ближневосточными и центральноазиатскими фольклорными фондами.

Герои-жертвы в зафиксированных нами сюжетах под давлением антагонистов отправляются из дома следующим образом:

1. Герой-жертва изгоняется из дома. Акт насилия в этом случае исходит от мачехи, отца, братьев, сестер (“Лосань”);

2. Герой-жертва удаляется обманным путем из дома. Отец, брат, сестра под напором антагониста способствуют вредительству – под видом отправки на праздник, представление, гуляние и т.п. в иные края уводят героя-жертву далеко от дома и оставляют на волю Аллаха (“Два брата”, “Добрый и злой”, “Два охотника”, “Нюду встречает Быйгу”, “Волшебная тыква-горлянка”, “Слепой Юсур”, “Добродетельный Хэкэ”);

3. Герой-жертва уходит из дома. Причина ухода может быть связана с угрозой лишения жизни, с тайной пощадой со стороны исполнителя убийства, с предупреждением от кого-либо о готовящейся расправе и т.п. (“Чжон Тянью”);

4. Герой-жертва “отправляется навсегда” из дома, т.е. совершается акт убийства несчастного. В этом случае дух пострадавшего начинает преследовать виновника, пока не воцарится справедливость (“Чжинхуа – золотой цветок”, “Брат Щилагуэ”).

Герои-жертвы из-за собственной беспомощности не в состоянии были выйти из создавшегося положения. Однако по закону эстетики волшебной сказки после отправки героя-жертвы из дома в сюжетное развитие вступает новый персонаж – даритель. Именно дарители в сложные моменты помогают невинно гонимым подняться на самые верхние ступени социального общества за все перенесенные страдания. В зафиксированных нами сюжетах дарителями выступают шэньсянь – бессмертные (“Мачеха”, “Волшебная тыква-горлянка”, “Лосань”, “Нюду встречает Быйгу”, “Добродетельный Хэкэ”), буренка (“Чжинхуа – золотой цветок”), жеребенок (“Чжон Тянью”), заяц (“Белый заяц”), тигр, волк, обезьяна (“Два охотника”) и т.д., которые пришли на смену родовым охранительным духам.

Кульминация. В настоящей фазе сюжетов о семейно-гонимых героини-жертвы при содействии дарителей ликвидируют первоначальные недостатки. В сказке “Чжинхуа – золотой цветок” героиня благодаря буренке, воплотившей душу ее матери, выходит замуж за молодого богатого юаньвэя. В “Белом зайце” Зухра с помощью столетнего белого зайца оказывается в доме возлюбленного человека. В “Чжон Тянью” герой с волшебным жеребенком совершает ряд подвигов, женится на дочери императора и становится важным сановником. Герой сюжета “Лосань” за прекрасную игру на сяньцзы в подводном дворце по совету шэньсянь-бессмертного просит в награду тыкву-горлянку и с находящейся в ней младшей дочерью царя дракона. В “Добродетельном Хэкэ” юноша становится зятем богатого юаньвэя благодаря подслушанной беседе двух великих мудрецов о существующей возможности вылечить дочь известного богача и обнаружить исчезнувшую воду в деревне и т.д.

Развязка. В фазе развязки сюжетов о семейно-гонимых в волшебной сказке хуэйцзу отчетливо обнаруживаются традиционные синтагматические ходы, которые объединены единым лейтмотивом наказания антагонистов. Такая обязательная концовка в рассматриваемом сюжетном типе непосредственно связана с эстетическим обобщением эпических представлений “первобытного коммунизма”. Реализация народного идеала – возвышение социально-обездоленного героя – в примитивном мышлении требовала принижения отрицательного персонажа и в конечном итоге в сюжетном развитии идеализируется герой, а его антагонист уничтожается.

В сюжетах о семейно-гонимых волшебной сказки хуэйцзу самый распространенный мотив наказания “уничтожение” антагониста в ситуации, в которой герой приобрел богатство, положение, красоту и т.п. Отрицательный персонаж пытается повторить путь восхождения героя, но в этом слепом копировании зависть, корысть, жадность приводит его к трагическому исходу. Так, в сюжете “Добродетельный Хэкэ” старший брат всячески уговаривает орла отнести его к золотой горе, где младший брат взял немного золота, но жадность погубила его. В “Красной тыкве-горлянке” сводный брат сварился в кипятке, из которого герой вышел с мешком золота и серебра. В “Двух братьях” жадного Идуаня в заброшенном храме растерзали тигр, волк и лиса, доброму Ичоню их ночная беседа принесла высокое социальное положение и т.д.

В некоторых зафиксированных нами сюжетах (“Белый заяц”, “Мачеха”) не наблюдается мотив наказания антагонистов. Следует сказать о крайней трансформации линейного синтагматического ряда в этих сюжетах. В данном случае из текстов в фазе развязки композиционного строения попросту вытеснены традиционные сюжетные ходы волшебной сказки и введены новые морализированные концовки в духе мусульманской легенды об этической норме поведения человека в социальном обществе. В комментарии к тексту “Мачеха” в книге “Дунганские народные сказки и предания” Б.Л. Рифтин пишет: “Дальнейшее развитие действия, после свадьбы падчерицы и князя, в дунганском варианте развивается не по сюжетной схеме с подменой жены родной дочерью мачехи, как в № 10 (или в уйгурской версии), а скорее – в духе религиозной мусульманской легенды, долженствующей связать конец сказки с ее началом, – князь не желает, чтобы его жена раздавала еду сиротам и вдовам, и оказывается жестоко наказанным за это”.

Мы рассмотрели волшебные сказки хуэйцзу Центральной Азии о семейно-гонимых. Они возникли в эпоху распада первобытного общества с его родовым строем на отдельные семейные ячейки классового общества. Именно тексты этого

фундаментального типа с социальными жертвами (сиротой, младшим братом, младшей сестрой, падчерицей, пасынком) способствовали окончательному формированию волшебной сказки.

Түйін

Бұл мақалада Орталық Азияның дүнген ұлтына тән «хуэйцзу» қиял-ғажайып ертегісінің өзіндік ерекшеліктері туралы сөз қозғалады.

Resume

This article tells about fairy tale of dungan nation of Central Asia, and about their peculiarity.

Özet

Bu makalede Orta Asyanın dungen halkına ait “hueitzu” hayali eserinin özellikleri konu edilmiştir.

*Анамыздың ақ сүтімен бойымызға дарыған тілімізді ұмыту
– бүкіл ата-бабамызды, тарихымызды ұмыту.*

Б.Момышұлы